

Никто из партии Дунлинь не ожидал, что та победа окажется лишь мимолетным видением. Казалось, сердце Императрицы уже дрогнуло, но почему же тогда вновь был издан указ об отставке и предании суду? Все мысли невольно обратились к первому советнику Линь Юйцзэ.

Му Ян и другие ветераны Дунлинь, лишившись должностей, еще не успели разъехаться по родным краям, как в их дома ворвались отряды Цзиньивэй. Опытные в своем деле бойцы перевернули все вверх дном, обыскали каждый угол и изъяли всё ценное имущество.

В резиденции Линь Юйцзэ, глядя на опись имущества, составленную счетоводом, с усмешкой заметила:

— И впрямь, знатные барашки.

Это было лишь то, что удалось найти в столичных домах. Когда же придет черед их родовых поместий в Цзяннани, в этом году казна точно не будет знать нужды.

— Оставьте им немного на старость, — распорядилась Линь Юйцзэ. — Не стоит выставять меня бессердечной. Если кто-то из доброхотов донесет на меня Его Величеству, снова окажется, что это я во всем виновата.

— Слушаюсь!

В конце концов, все они были старыми знакомыми, и не оставлять им никакой надежды значило бы прослыть жестокой и бесчеловечной. Лучше оставить людям путь к отступлению — кто знает, может, еще доведется встретиться.

С падением ключевых фигур партия Дунлинь окончательно пришла в упадок. Те, кто уцелел и не потерял свои посты, были переведены на второстепенные должности, не дававшие реальной власти.

Линь Юйцзэ в одночасье стала самой влиятельной фигурой при дворе. Многие колеблющиеся чиновники, выжидавшие в стороне, поспешили присягнуть ей на верность. Отныне любые указы, исходящие от нее и Императрицы, проходили без малейших преград.

Первые полгода Цзиньивэй и Дун-чан ожесточенно боролись друг с другом: если евнухи из Дун-чан преступали закон, их тут же арестовывали стражники Цзиньивэй. Стоило же людям в парчовых халатах попасться на коррупции, как доклады с обвинениями немедленно ложились на стол Императрице.

Возможно, это было самое прозрачное время в политике Великой Ся. Хотя влияние Линь Юйцзэ стремительно росло, и преданные ей чиновники время от времени намекали, что пора бы прижать евнухов, она не только не вернула полномочия, отобранные у гражданских

чиновников, но и с удовольствием наблюдала, как те связаны по рукам и ногам.

После того как Дун-чан разослал налоговых инспекторов по всей стране, серебро нескончаемым потоком потекло в столицу. Государственная казна еще никогда не была так полна.

Императрица, пребывая в отличном расположении духа, повысила Линь Юйцзэ до левого главнокомандующего задней армией, а прежнего главнокомандующего Лин Цзыяо перевела на пост левого главнокомандующего центральной армией. В ведение канцелярии задней армии была включена структура Цзиньвэй. Таким образом, вся военная мощь северных земель, включая столицу, оказалась в руках Линь Юйцзэ.

Вдобавок Императрица удостоила ее Ритуала девяти пожалований, даровав колесницу и коней, парадные одежды, музыкальные инструменты, право на красные ворота, особые ступени, личную охрану, топоры и секиры, луки и стрелы, а также жертвенное вино.

Эти дары имели скорее символическое, нежели практическое значение. Они означали высшую милость правителя к подданному и статус, при котором человек стоит ниже лишь одного монарха.

Линь Юйцзэ подумывала отказаться от столь высокой чести, опасаясь пересудов. Ей казалось, что Цзян Ли намеренно испытывает ее.

Ритуал девяти пожалований выглядел необычайно почетным, но не каждый осмелился бы его принять. В истории те, кто получал подобные почести, почти всегда оставались в памяти потомков как мятежники и узурпаторы — достаточно вспомнить Ван Мана, Цао Цао или Сыма Чжао.

Высшая милость в глазах Линь Юйцзэ была подобна раскаленному углю. Она даже специально отправилась во дворец, надеясь, что Императрица возьмет свое слово назад.

— Цзян Ли, я лишь выполняю свой долг, тебе не нужно осыпать меня столь щедрыми дарами.

Императрица недоуменно посмотрела на нее:

— Почему ты так говоришь? Ты навела порядок в государстве, отдала все силы службе — это заслуженная награда. Жаль лишь, что ты и так занимаешь пост первого ранга, выше уже некуда, и я могу лишь пожаловать тебе почетные титулы.

Неизвестно, было ли это игрой воображения, но слова Императрицы всегда звучали для Линь Юйцзэ с двойным дном, отчего на душе становилось беспокойно. Однако, видя непреклонность правительницы, ей пришлось принять дары.

В секретариате.

Ху Шимин, тыча пальцем в У Шоукуня, с досадой выговаривал ему:

— Ты! Сколько раз я тебе повторял: не смей больше подавать прошения об импичменте первому советнику!

Ху Шимин от ярости готов был рвать на себе волосы.

— Ты что, до сих пор не понимаешь, какими методами она действует? Или ты и впрямь считаешь ее безобидной девчонкой? Ты же сам лезешь в пасть к тигру, неужели не осознаешь?

У Шоукунь, стоя на коленях с прямой спиной, гордо ответил:

— Учитель, ваш ученик не оправдал ваших надежд. Но раз уж я занимаю должность цензора, то обязан быть верным долгу, служить государству и быть непоколебимым. Первый советник Линь лишь притворяется верной слугой перед лицом Ее Величества, а за спиной позволяет своим людям из Цзиньивэй притеснять народ. Партии Ци, Чу и Чжэ набирают силу, рискуя повторить путь Дунлинь. Я обязан это остановить!

Видя, что У Шоукунь не желает раскаиваться, Ху Шимин бессильно опустил в кресло.

— Ты думаешь, она просто первый советник? Ты надеешься свалить ее парой доносов? И дело даже не в том, как сильно она обласкана монаршей милостью. Ее мать и невестка обладают огромным весом среди членов императорского рода, отец и брат тайно поддерживают связи с остатками партии Дунлинь. Взгляни вокруг — кроме евнухов из Дун-чан, кто в этой стране не заглядывает ей в рот?

У Шоукунь возразил:

— Первый советник теперь единолично управляет государством. Ученик не питает иллюзий, что может остановить колесницу, но если я буду постоянно подавать прошения, это хотя бы заставит Ее Величество сохранять бдительность.

Ху Шимин с горечью убеждал его:

— Ты думаешь, Императрица не видит, какой властью она обладает? Я не прошу тебя угадывать волю монарха, но открой же глаза и посмотри, на чьей стороне сердце Ее Величества! Посмотри, кто еще осмеливается перечить первому советнику? Все вельможи при дворе прекрасно всё понимают, один ты упорствуешь в своем заблуждении!

Услышав это, У Шоукунь немного сник. Он не боялся, что Линь Юйцзэ заслонит собой небо — если небо действительно окажется закрыто, он был готов пронзить его. Его приводило в отчаяние отношение Императрицы. Он ясно видел, что монарх прекрасно осведомлена о тайных делах Линь Юйцзэ, но намеренно закрывает на это глаза.

Он хотел не просто подать донос, он мечтал спросить саму Линь Юйцзэ: почему она предает

доверие Императрицы? Обладая такой властью, почему она не думает о нуждах простых людей?

Год спустя, на банкете в честь дня рождения Императрицы, та выразила желание посмотреть, как Линь Юйцзэ танцует с мечом.

Под стремительные ритмы пипы и барабанов Линь Юйцзэ, сжимая в руке длинный клинок, двигалась легко и изящно, словно кленовый лист, подхваченный ветром. Ее движения были настолько неувимы, что никто не мог предугадать траекторию.

Она не стала облачаться в боевой наряд, оставшись в своем обычном черном халате. Длинные рукава и полы ничуть не мешали ей. Древний, простой на вид клинок идеально сочетался с темной одеждой, излучая скрытую, но грозную мощь.

В черных рукавах виднелись крепкие, жилистые руки, сжимавшие меч. Линь Юйцзэ двигалась бесшумно, но каждый взмах клинка сопровождался свистом рассекаемого воздуха, который сливался с тяжелыми ударами барабанов, заставляя сердца зрителей замирать от напряжения.

Все невольно вытянулись в струнку. Танцующая не смотрела ни на кого конкретно, но каждому казалось, что в следующее мгновение острие меча окажется прямо перед его глазами.

Наконец, сделав искусный выпад, Линь Юйцзэ завершила танец, убрала меч Тайэ за спину, перехватила рукоять и склонилась в поклоне перед Императрицей.

— Bravo! — первым воскликнул кто-то из чиновников, и зал взорвался аплодисментами.

Линь Юйцзэ была вся в поту — не от усталости, а от напряжения, с которым ей приходилось сдерживать свою ауру, чтобы никто не заподозрил, что она готова в любую минуту пустить оружие в ход.

В прошлой жизни она убила столько людей, что не сосчитать. И даже спустя столько времени, стоило ей взять в руки меч, как из глубины души поднимался ледяной холод. Тот, кто привык убивать, всегда будет излучать жажду крови, стоит ему коснуться оружия. Если бы не прямое указание Императрицы, она ни за что не стала бы выступать с этим танцем.

Императрица с улыбкой вспомнила, как видела танец Линь Юйцзэ много лет назад.

— Прошло всего несколько лет, а мастерство моей любимицы достигло невероятных высот, — похвалила она. — Меч дышит такой мощью, что по спине бегут мурашки.

— Прошу прощения, что потревожила покой Вашего Величества, — ответила Линь Юйцзэ.

Императрица же сказала:

— А-Цзэ, иди сюда.

Линь Юйцзэ подняла голову и увидела, что Цзян Ли жестом приглашает ее сесть рядом. В главном зале дворца Дацин было два трона: один — для Императора, другой — для Императрицы.

Это был не первый раз, когда Императрица проявляла подобную волю. С тех пор как партия Дунлинь пала, она перестала скрывать свои отношения с Линь Юйцзэ. Будь то семейный ужин или государственный банкет, она больше не стеснялась ни вельмож, ни членов императорского рода.

Линь Юйцзэ чувствовала себя неловко — такое стирание границ между монархом и подданным шло вразрез с нормами морали. После того как она впервые вежливо отказалась, Императрица дулась на нее полмесяца. С тех пор Линь Юйцзэ приходилось плыть по течению: она не хотела ни идти против воли Императрицы, ни ранить ее сердце.

Как только Линь Юйцзэ села, Императрица достала платок и вытерла пот с ее лба, словно обычная жена. Чиновники внизу опустили глаза, уже привыкнув к подобному. Слухи об их близости ходили уже год, и если кто-то еще сомневался, то за этот год слепые прозрели.

Были, конечно, и те, кто не мог смириться, как У Шоукунь. Он смотрел на руку Императрицы, вытирающую лоб Линь Юйцзэ, так, что глаза готовы были вылезти из орбит. Пренебрежение нормами! Соблазнение монарха! Но все эти проклятия он мог произносить лишь про себя.

Когда банкет подходил к концу, Сюй Дэчжун слегка кашлянул:

— Время позднее, господа, пора бы и отдохнуть.

Чиновники поспешили откланяться, Сюй Дэчжун удалился вместе с ними. Когда в зале остались только Линь Юйцзэ и Императрица, первая уже собралась уходить, но та произнесла:

— А-Цзэ, я так счастлива, что ты сидишь на этом месте.

Императрица выпила немало вина, ее щеки горели румянцем, словно персиковые цветы. Линь Юйцзэ почувствовала, что сидит как на иголках. Это место, о котором мечтает весь мир, было для нее запретным плодом.

Возможно, от хмеля голос Императрицы звучал немного отстраненно:

— А-Цзэ, в следующем году будет отбор наложниц, но мне, кроме тебя, никто не нужен.

— Хорошо, Цзян Ли, раз не хочешь — значит, не будет, — Линь Юйцзэ, решив, что Императрица сильно пьяна, ответила первое, что пришло в голову, лишь бы успокоить ее.

Императрица поднялась. Линь Юйцзэ, боясь, что та покачнется от головокружения, переложила меч в левую руку и правой придержала ее. Императрица не была настолько пьяна, чтобы не стоять на ногах, но она воспользовалась моментом и прильнула к груди Линь Юйцзэ.

— А-Цзэ.

— Я здесь.

— Стань моей Императрицей.

<http://bllate.org/book/19929/1961118>